
УДК 81'373.21:811.352.3

ББК 81.031.4

Б 24

Баранова А.Ю.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Адыгейского государственного университета, e-mail: sessvetla@mail.ru

**Топонимия как средство актуализации ментальности
в русско-адыгской лингвокультуре
(Рецензирована)**

Аннотация:

Рассматривается ментальность русского и адыгского народов через топонимическую систему. Показано, что русские и адыгские топонимы региона представляют объективную картину контакта двух культур. Отмечается, что культурно-исторические связи и национальные особенности проявляются в топонимии. Установлено, что в способах номинации топонимов отражаются взгляды носителей языка, специфика мировидения двух народов.

Ключевые слова:

Национально-культурный компонент, картина мира, ментальность, антропоцентризм, топонимическая система, способ номинации, семантический тип.

Baranova A.Yu.

Candidate of Philology, Associate Professor of General Linguistics Department, Adyghe State University, e-mail: sessvetla@mail.ru

**Toponymy as the means of actualization of mentality
in the Russian-Adyghean language culture**

Abstract:

The paper examines mentality of the Russian and Adygheans through the toponymic system. The author shows that the Russian and Adyghean toponyms of the region represent an objective picture of contact of two cultures. Both the cultural and historical relations and the national features, which are displayed in toponymy, are noted. It is inferred that the views of native speakers and specificity of a world vision of two peoples are reflected in ways of the toponym nomination.

Keywords:

National and cultural component, world picture, mentality, anthropocentrism, toponymic system, way of the nomination, semantic type.

Осознание языка как феномена культуры, как культурно-исторической среды, воплощающей в себе историю, культуру, обычаи народа, постижение его как сокровищницы культуры, способствующей хранению и передаче материальной и духовной культуры общества от поколения к поколению, приводит к необходимости описания национально-культурного компонента значений язы-

ковых единиц всех уровней. В настоящее время реконструкция целостной картины мира, изучение образа мира по данным языка становится важнейшей задачей для сравнительной лингвистики, лексикографии, лингвокультурологии, по мнению многих учёных. На первый план выдвигается положение о том, что в языке отражается конкретный, специфичный для него способ концептуализации мира, а направление концептуализации ментально, социально и культурно обусловлено.

В этом плане интересно проанализировать топонимическую систему региона, так как топонимы, на наш взгляд, достаточно ярко отражают своеобразие ментальности населения. Они передают национально-культурную информацию, отражая быт, верования людей, их исторические контакты. Особый интерес представляет полиэтническое пространство Северного Кавказа, куда входит и Республика Адыгея.

Информация, сохраняемая в топонимах, даёт возможность представить неповторимую национальную и духовную культуру создателей и носителей данной топонимической системы, в которой содержится богатая информация о системе ценностей народа, раскрывающая особенности видения мира. Это можно наблюдать и в русской топонимической системе, и в адыгской, так как каждый народ располагает своим набором ментально-лингвальных ценностей.

Так как названия географических объектов зачастую отражают ценностную картину мира народа, говорящего на данном языке, то, изучая русские и адыгейские названия, можно представить объективную картину контакта двух культур, их взаимовлияние и взаимопроникновение. Именно сравнительное и сопоставительное изучение топонимов позволяет обнаружить национальные культурно-исторические связи и национальный колорит как адыгской топонимии, так и русской; способствует построению более полной и репрезентативной типологии регулярно реализуемых

в данной национальной картине мира топонимических единиц.

Особенность кавказского мировосприятия и мирооценки проявляется в наборе языкового материала с точки зрения выраженности в нём специфики национального характера и национального менталитета.

Мотивировка названий во многом зависит от широты географического кругозора того, кто его даёт, от степени его осведомлённости. Выбор средств, характеризующих объект, историчен. В древнейшие времена, прежде всего, получали наименования охотничьи места, дороги, горы. Позже, когда появилась собственность на землю, обнаружилась необходимость вводить в географические названия личные имена, фамилии людей – владельцев.

Известный топонимист А.В. Супранская отмечает, что «названия, связанные с именами людей, носят селенческий (по первооселенцам) или владельческий (по имени владельца) характер» [1: 90].

Антропоцентрическое начало прослеживается как в адыгской, так и в русской топонимии. Именно человек – ядерная зона ойконимов (названий населённых пунктов), наименования которых содержат экстралингвистическую информацию, связанную с человеком. Но в русской топонимии Адыгеи антропоцентрическая основа – это фамилии конкретных людей, владеющих каким-то наделом земли, так как для казака было очень важно иметь своё хозяйство, отсюда многочисленные хутора (Шевченко, Петров, Кочкин, Причитовский, Тихонов, Дукмасов), то есть эти названия тесно связаны с социальной стороной жизни общества: именно имя владельца усадьбы, хутора оказывалось важным признаком номинации. Этот факт ещё раз подчёркивает, что Кавказ – это территория позднего заселения русскими (для сравнения: в Центральной России – это периферийная зона, на первый план там выходят названия, основанные на осмыслении окружающего мира).

В адыгской топонимии этот семантический тип занимает ведущее место, но чаще всего антропонимическая основа – это род, племя, а не один человек. Связано это с тем, что у адыгов огромную роль в их жизненном укладе, мировосприятии играет именно род. Если в русской микротопонимии – *Павлов сад*, *Бочарникова балка*, то в адыгской – «Лес Батижевых» (*Батлыжъ ямэз*) – в окрестностях аула Понежукай, «Ясеновая роща Дахшуковых» (*Дахъуцэкъое клай*) – роща на южной окраине аула Понежукай; русские названия, корни которых представляют собой наименования адыгских племён, – станица Абадзехская (абадзехи), Махошевская (махоши), Бесленевская (бесленеи), Темиргоевская (темиргои). Номинация этих населённых пунктов происходила в результате процесса метонимии – переноса в «чистом виде» фамилии в русской топонимии (хутор Тихонов – фамилия Тихонов), а в адыгейской топонимической системе этот процесс сопровождается суффиксацией: к антропониму прибавляется топоформат – *хабль* или – *ай* (аул Асоколай – по данным словаря К.Х.Меретукова, наименование состоит из собственного имени *Аскъал* и притяжательного суффикса –*ай*, дословно «аул, принадлежащий Аскалу» [2: 27]; посёлок Тлюстенхабль – в честь имени первого поселенца (фамилия Ахиджак); Хакуринохабль, Джиджихабль.

Причём, и в одной, и в другой топонимических системах абсолютно не встречаются женские имена, что связано с патриархальностью общественного уклада жизни наших народов, более активной трудовой и общественной деятельностью мужчин. А если такие названия возникают, то они чаще всего связаны с постройкой храма в честь какой-то святой (село Еленовское).

В русской топонимии Адыгеи периферийную зону составляют названия, связанные с логикой и последовательностью освоения пространства, что опять же связано с поздним формированием русской

топонимической системы. Постепенно человек стремится перейти в номинации от описания к характеристике, и тогда появляются названия, отличающиеся стилистической окрашенностью, экспрессивностью. Конечно, эти наименования семантически прозрачны (Красная Поляна – в предгорьях Кавказа (Апшеронский район) посёлок раскинулся среди альпийских лугов, усеянных красными маками, или всевозможные наименования со словом *Красный* (например, Красный Аул, Красная Горка (где красный имеет значение – красивый, славный)).

Особенно много таких названий появилось в советское время (посёлок Победа, хутор Коминтерн, хутор Весёлый), и тут уже о своеобразии топонимов региона говорить не приходится, так как они ничем не отличались от топонимов других регионов России: в основном это названия символического характера, которые давались под влиянием насаждаемой государством идеологии.

Своё видение мира народ проявил при номинации микротопонимов. Именно в этой группе топонимов наиболее часто встречаются метафорические названия: метафора, в основе которой лежит сходство по форме, – Лепешатый бугор, поляна Лепёшкина (плоской круглой формы); Острый бугор, камень Утюг, перевал Индюк, поляна Язык, Лысая гора. Метафора, в основе которой лежит перенос по функции, по расположению, часто проявляется в названиях частей станиц: Сибирь (отдалённая часть станицы Севастопольской), Медвежий Угол. [3: 130 - 131]. Микротопоним Медвежий Угол довольно часто встречается в топонимии. Этот фразеологизм, обозначающий захолустное место в старой России, появился, скорее всего, во второй половине 19 столетия: все ранние случаи его употребления в художественном тексте связаны с этим именем. Обстоятельную характеристику «медвежьего угла» встречаем в рассказе П.И.Мельникова-Печерского «Медве-

жий Угол» (рассказ впервые напечатан в 1856 году, и с лёгкой руки его автора этот фразеологизм стал часто встречаться в художественных произведениях). Фразеологизма с таким значением прежде в русском языке не было, хотя подобное образование отмечалось ещё в XVI столетии в Актах социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI века.

«Медвежий Угол» упоминается и в рукописи XVII века. От 1691 года сохранилась отпускная память (деловой документ) на уроженку Медвежьего Угла крестьянскую дочь Федосью Ивановну, вышедшую замуж в другую вотчину. Это название прослеживается в памятниках письменности в течение XVI-XVIII веков. В середине XIX века в «Списке населённых мест Российской империи» оно уже не упоминается, но, видимо, живёт в памяти народной. Семантической предпосылкой возникновения этого фразеологизма послужила близость в контекстах значений слов глухой, отдалённый и медвежий. Представление о глухом месте как месте медвежьем естественно, а угол обладает переносным значением «местность, обычно глухая».

Таким образом, метафора отражает образное мышление народа. В адыгской микротопонимии такая модель также имеет место. Например, *Отэрмыгъу* – большие аульские покосы на окраине аула Кунчукохабль. При наводнениях река Пшиш уносила собранное аульчанами сено, отчего местность и была так названа, в переводе «Несчастливый стан»; *Псычэт иханI* – бывшая болотистая местность на окраине аула Асоколай, в которой водилось множество диких уток, и хотя сейчас болота осушены, земли обрабатываются, место по-прежнему так называется, в переводе «Кормушка уток». *Нэклушлой Гуашъхь* – возвышенность на юго-восточной окраине аула Кунчукохабль (буквально: «Грязнолицый курган») [2: 140].

Метафорические названия встре-

чаются даже в оронимии: гора Спящий Черкес (своими очертаниями похожа на дремлющего на коне человека), ущелье Волчьих Ворот, хотя в основе этого наименования и лежит образное сравнение по внешнему признаку, но здесь, скорее всего, прослеживается другая номинация – по географическому термину. В славянской топонимии термин *ворота* имеет широкое распространение. В словаре географических терминов даётся следующее определение: «Ворота – ущелья, прорезающие горные гряды» [4: 63].

Следует отметить ещё одну особенность топонимии Адыгеи, на неё обратил внимание в своём исследовании В.А.Жучкевич: «Почти отсутствуют названия, характеризующие занятия населения. Это объясняется тем, что Северный Кавказ был земледельческим, а не ремесленным районом» [5: 195]. Тем не менее, встречаются такие названия в русской топонимии, потому что после окончания Кавказской войны в Закубанскую область стали переселяться выходцы из центральных губерний России, не только крестьяне, но и ремесленники. Так возникли названия Гончарка, Табачный, где ещё с конца XIX века выращивали первосортный табак; хутор Чабанов, как утверждают местные жители, здесь разводили коз, и поэтому в основном жили чабаны; Волкорез, Кубанстрой.

Общеизвестно, что в топонимах отражена память народа о прошлых событиях. Топоним в связи с этим воспринимается как социокультурный компонент, который даёт информацию о жизни общества в разные периоды его развития. Так, например, в топонимической системе Кубани имеет место номинация, основанная на названиях полков Царской армии, так как заселение шло после окончания Кавказской войны. Отсюда такие названия, как село Преображенское (Преображенский полк), станица Тенгинская (Тенгинский полк), станица Дагестанская, посёлок Тульский (первыми поселенцами были демобилизованные солдаты стояв-

шего здесь Тульского полка), станция Севастопольская (заселена была выходцами с Дона, а расселял их генерал Гейман, служивший в Севастопольском полку). В микротопонимии широко распространены названия, связанные с военными событиями – Пост, Штаб, Дивизион, а в соседних с Адыгеей районах – названия станиц: Бесстрашная, Переправная, Упорная (недалеко от города Армавира).

Адыгейская топонимия также свидетельствует о «делах минувших»: *Нэгъой хэкужъ* – урочище южнее Понежукай, в долине реки Апчас, в переводе с адыгского означает «пепелище ногайцев»; *Бзэгъэпсыкъо* – наименование небольшой долины на юге от аула Понежукай. Старожилы рассказывают, что здесь когда-то произошло кровопролитное сражение с татаро-монголами. В пере-

воде с адыгского топоним означает «овраг, где натягивают тетиву» [2: 42].

Таким образом, когнитивный подход к изучению топонимов позволяет выявить особенности ментальности народа, так как «ингерентным свойством ойконимии (как и всей топонимии – Прим. Б.А.) является способность к формированию ойконимного фрагмента ноэтической (номинативной) картины мира на основе культурно-языковой информации, заложенной в апеллятивах ойконимных этимологов, мотивированных реалиями универсума» [6: 225]. Все названия, составляющие как русскую топонимическую систему, так и адыгскую, несут в себе информацию, отражающую менталитет, систему ценностей этнического коллектива.

Примечания:

1. Суперанская А.В. Что такое топонимия? М., 1985. 90 с.
2. Меретуков К.Х. Адыгейский топонимический словарь. М.: Прометей, 1990. 336 с.
3. Баранова А.Ю. Метафорические названия в русской топонимии Адыгеи // Проблемы региональной ономастики: материалы V Всерос. науч. конф. Майкоп, 2006. С. 129-131.
4. Энциклопедический словарь географических терминов / под ред. С.В. Колесника. М.: Сов. энциклопедия, 1968. 440 с.
5. Жучкевич В.А. Общая топонимика. Минск: Высш. шк., 1980. 288 с.
6. Заверткина Е.В. Ойконимия и её ингерентные особенности // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2012. Вып. 1 (96). С. 225-228.

References:

1. Superanskaya A.V. What is toponymy? M., 1985. 90 pp.
2. Meretukov K.Kh. The Adyghe toponymic dictionary. M.: Prometheus, 1990. 336 pp.
3. Baranova A.Yu. Metaphorical names in the Russian toponymy of Adygheya // Problems of regional onomastics: materials V of the All-Russian scient. conf. Maikop, 2006. P.129-131.
4. The encyclopedic dictionary of geographical terms / ed. by S.V. Kolesnik. M.: Sov. encyclopedia, 1968. 440 pp.
5. Zhuchkevich V.A. General toponymy. Minsk: Vyssh. shk., 1980. 288 pp.
6. Zavertkina E.V. Oikonymy and its inherent features // The Bulletin of the Adyghe State University. Series Philology and the Arts. Maikop, 2012. Issue 1 (96). P. 225-228.